

О ДРЕВНЕАРАБСКОЙ КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИИ

Проф. Дитлеф Нильсен

(Копенгаген)

Каждому известно что-нибудь о древней египетской культуре на Ниле и о древней вавилоно-ассирийской культуре на берегах Тигра и Евфрата. Но лишь немногие знают, что задолго до Мухаммеда в I и, быть может, уже во II тысячелетии до н. э. в Аравии процветала еще одна, третья культура. От нее остались многочисленные развалины и несколько тысяч надписей.

До открытия судоходства по Черному морю торговые караваны из Индии в Европу направлялись через Аравию, тянулись золотой нитью через эту бедную страну. В южной и западной частях Аравийского полуострова, где проходили эти торговые пути, возникли друг подле друга отдельные царства. Каждое из них обладало монополией на определенный отрезок караванных путей. В этих государствах накапливались большие богатства, которые описываются уже у античных писателей.

Датская «экспедиция Нибура» (1761—1767 гг.) обратила внимание науки нового времени на интересные развалины, оставшиеся от этих государств в различных местах Южной Аравии. По следам этой экспедиции направились другие исследователи. Французский ориенталист проф. Жозеф Галеви предпринял (1870—1871 гг.) полную опасностей поездку в Южную Аравию и привез оттуда первую крупную коллекцию надписей. Австриец Эдуард Глазер (ум. в 1908 г.) привез столь обширное собрание текстов (около 1800), что они до сих пор не все еще опубликованы и истолкованы.

В настоящее время в Дании на средства фондов Карльсберга и Раск-Орстед и с участием иностранных специалистов ведётся работа над изданием большого труда—«Handbuch der altarabischen Altertumskunde». Этот труд должен сделать доступным широкой публике важный материал, известный до сих пор лишь некоторым исследователям-специалистам.

Первый том—«Древнеарабская культура»—вышел в Копенгагене в 1927 г.

Второй и третий томы готовятся к печати. Они содержат основную массу надписей со словарем, переводом и комментариями.

Прежде Аравию, этот громадный бесплодный полуостров с обширными степями и непроходимыми пустынями, считали страной без культуры. Еще несколько десятилетий назад считалось бесспорным, что здесь исключена всякая возможность более или менее высокой культуры: считали, что

народ, населяющий Аравию, на веки-вечные осужден оставаться без культуры, неизменным, как сама природа этой страны, природа пустыни.

Мы должны изменить это суждение. Если в Северной Аравии и Палестине, в Трансиордании и Месопотамии находят в непроходимых и необитаемых пустынях поразительные монументальные следы былой высокой культуры, то точно так же и в Южной Аравии в отдаленные времена использовали воду с помощью запруд, каналов и террас; это давало возможность орошать и делать плодородной землю в засушливое время, тогда как теперь в период дождей вода без пользы уходит в песок. К этому надо прибавить большие богатства, оседавшие в стране в результате прибыльной торговли.

Уже писатели классической древности сообщают о больших царствах в Аравии. Эти государства, — рассказывает Эратосфен, — управляются царями, находятся в цветущем состоянии и украшены прекрасными храмами и замками. Дома здесь подобны домам в Египте, а по своей территории каждое из этих царств превосходит дельту Нила. Агатархид восхваляет культуру ладана в царстве Савском и благосостояние жителей; последние — утверждает он — являются самым многочисленным народом во всей Аравии. Их страна, так называемая счастливая Аравия, богата всякого рода ископаемыми, а также скотом. Благовонные растения издают столь сильный запах, что его

ощущают даже моряки, проезжающие мимо берега на своих парусных судах. Однако среди благоухающих растений водятся небольшие красные змеи, укус которых смертелен. Вечное благоухание так интенсивно, что жители часто заболевают от него. Если этот народ отличается своим богатством, то причиной этого является также торговля, приносящая несметные доходы. Кроме того, эта страна богата золотом и серебром. Благодаря своему отдаленному положению, она ни разу не подвергалась иностранному завоеванию. В г. Саба, где находится царский дворец, можно встретить все виды художественных произведений высокой ценности.

Среди них Агатархид называет золотые и серебряные кубки художественной работы, затем залы с многочисленными колоннами, либо позоло-

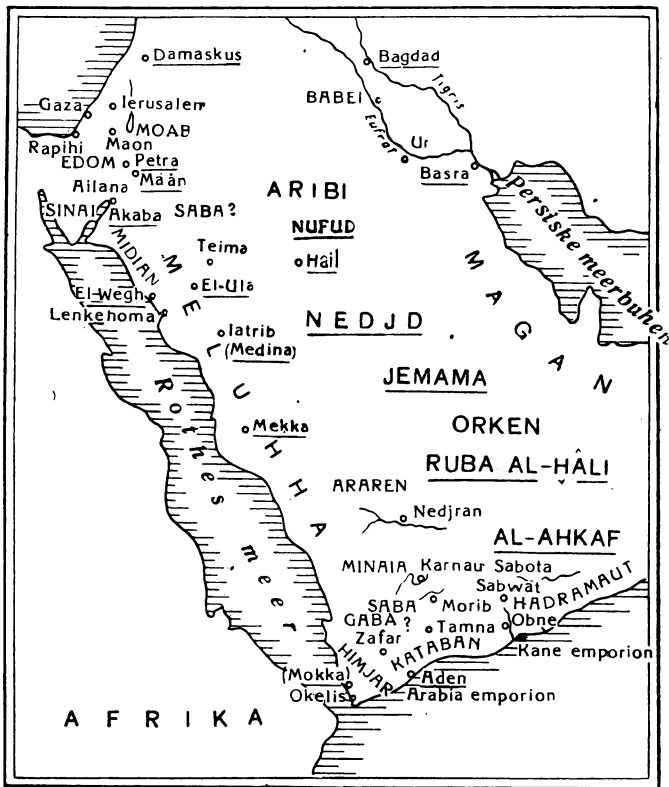

Рис. 1. Древняя Аравия (современные названия городов подчеркнуты)

ченными, либо украшенными на капителях изображениями из серебра. Потолки и двери украшены золотыми фиалами. При постройке своих домов жители тоже с великой расточительностью употребляют золото, серебро, слоновую кость и драгоценные камни. «Жители долгое время безмятежно пользовались этим счастьем, так как не приходили в соприкосновение с людьми, алчными до чужого богатства». Это описание совпадает с рассказом о посещении царя Соломона царицей Савской в книге Царей (I, 10): «И пришла она в Иерусалим с большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями».

Эти древние описания напоминают рассказы писателей-классиков о Вавилоне и Египте, рассказы, носящие чуть ли не сказочный характер.

Рис. 2. Древнеарабский могильный камень

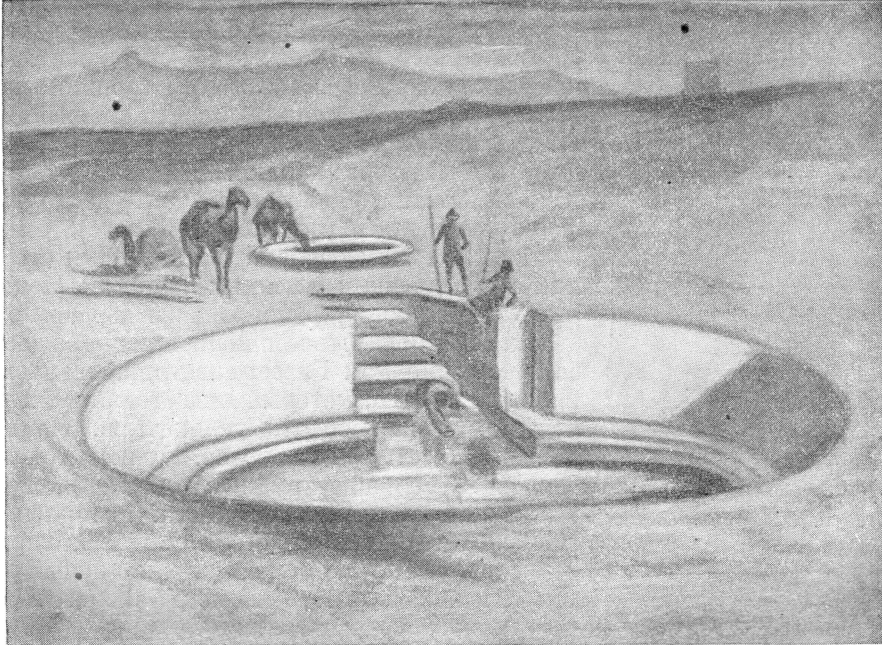
Новейшая критическая наука не придавала им веры, пока эти древние культуры не были раскрыты, благодаря путешественникам, раскопкам, находкам и исследованиям.

Конечно, надписи не подтверждают всех деталей дошедших до нас описаний: так, например, царицы не упоминаются в перечнях южноарабских царей. Однако содержание надписей делает для нас понятным, почему древние рассказчики так распространялись о богатстве и высокой культуре Южной Аравии.

Из песка пустыни встают перед нами дорожные и оросительные сооружения, обширные храмы, дворцы, замки и крепости, построенные из больших тесаных камней. Отверстия между последними заполнены расплавленным свинцом, что позволило этим сооружениям тысячи лет противостоять разрушительному действию времени. Эти свидетели былого

величия—не немые свидетели. О новой, неизвестной дотоле, культуре в Аравии говорят свыше 2 000 найденных до настоящего времени надписей из одной Южной Аравии (причем одна из них содержит более тысячи слов), затем храмовые таблицы из камня и литой бронзы, надписи на постройках и гробницах, изваяния, золотые и серебряные монеты и т. д.

Главный центр этой культуры находился в Южной, «счастливой», Аравии; но в общем эта культура распространялась вдоль караванных путей и караванных станций на Черном море вплоть до пограничной Палестины, где надписи, начертанные тем же алфавитом, а иногда даже

Рис. 3. Остатки древнеарабских колодцев

на южноарабском языке, свидетельствуют о деятельности прилежного торгового народа.

Эти памятники расширили историческую эпоху Аравии более, чем на полторы тысячи лет. Если оперировать круглыми цифрами, то прежде почти ничего не известно было об истории Аравии до времени Мухаммеда. Многие ученые не верили, что до этого времени арабы умели читать и писать. А теперь мы располагаем обширными надписями, относящимися ко времени около 1000 г. до н. э. Столь высокая цивилизация не может возникнуть внезапно, и поэтому начало ее надо безусловно отнести ко II тысячелетию до н. э. Некоторые исследователи полагают, что отдельные группы надписей должны быть отнесены к этому тысячелетию.

С помощью развалин и надписей теперь установлено географическое положение, а отчасти также время существования четырех больших царств в Южной Аравии, о которых упоминают уже древние авторы. Теперь стали известны также более мелкие царства. На юг от большой пустыни Руба Ал-Хали, по своим размерам равной Франции, Бельгии

Рис. 4. Статуя царя из древней Южной Аравии

Рис. 5. Сабейская маска

и Голландии, находилось большое царство Хадрамаут; из всех древних арабских царств оно исследовано меньше всего. За реками, впадавшими в море у старого торгового порта Канэ Эмпорион, лежала в плодородной местности столица Сабват (Сабота); в окрестностях ее до сих пор находят множество массивных, высоких, как башни, зданий в древнем стиле и многочисленные развалины. К сожалению, это — запретная страна для европейцев. Известны лишь немногие надписи из этого царства.

Несколько десятилетий назад о царстве Катабан Вест было известно столь же мало, как и о царстве Хадрамаут. Проникновение в эти края было сопряжено для европейцев с величайшей опасностью для жизни. Однако ученому Эд. Глазеру, прожившему много лет в Южной Аравии, удалось уговорить нескольких бедуинов сделать оттиски (на бумаге) древних надписей. Таким образом он раздобыл сто копий очень древних и ценных надписей. Некоторые из этих копий были изданы автором этих строк. Главная часть копий постепенно издается соотечественником Глазера австрийским ученым Н. Родоконакис, который подготавливает их для печати с образцовой тщательностью. Но дело подвигается вперед медленно. Приходится преодолевать большие трудности лексического, а также исторического характера. Мы располагаем надписями из обоих упомянутых царств, относящимися ко времени как до нашей эры, так и к нашей эре. Точную хронологию еще невозможно установить.

Зато мы располагаем перечнем сабейских царей (с некоторыми пробелами). Он длиннее, чем перечень датских королей, хотя Дания — старейшее королевство в Европе. В царстве Саба с столицей Мариб на север от Катабан цари указаны от IX в. до н. э. приблизительно до 550 г. н. э. После скромного начала в неплодородной области эти сильные цари мало-помалу подчинили своей власти все большие части Южной Аравии, пока, в конце концов, Саба не стала самой могучей державой в Южной Аравии, и имя ее затмило все другие сабейские государства. Последняя значительная надпись из блестящих времен этой державы высечена на стене мощной запруды, которая вскоре после этого рухнула и запечатлела упадок государства. Надпись эта состоит из 136 строк и принадле-

жит царю Абраха (приблизительно 540 г. н. э.), который изменил вероисповедание и перешел в христианство.

С четвертым большим древним царством, так называемым Минейским (Минайя), связано много проблем, которые ждут своего разрешения. Столица этого царства Маин находится на северо-запад от древней Сабы. В языке и письме, а также в культуре и религии имеются местные особенности, несмотря на наличие общего сходства с южными и восточными государствами. Относительно времени существования четвертого царства ученые придерживаются различных взглядов. По мнению Глазера и проф. Гоммеля, расцвет его относится ко II тысячелетию до н. э., другие ученые утверждают, что он совпадает с древней Сабейской эпохой.

Как бы то ни было, караванные станции и колонии минейцев простирались далеко на север: об этом свидетельствуют надписи.

*

— Однако,—спросит читатель,—чем же эти новооткрытые памятники и надписи обогатили наши знания?

Что рассказывают нам древние памятники об этой стране, в настоящее время в большей своей части пустынной и бедной? Они говорят нам то же, что развалины дворцов и городов в Вавилоне и Ассирии, что пирамиды и развалины храмов в Египте. Они свидетельствуют о былом величии страны, ставшей, благодаря трудолюбию и выдающейся энергии населения, — центром высокой культуры; впоследствии, когда узловые пункты торговли и культуры продвинулись дальше, культура эта подверглась разрушению. Перед нами история древней культуры, сиявшей, как светоч, но потом снова погрузившейся во мрак. Ныне страна прозябает во тьме, ибо центры культуры переместились. Сообщения надписей о войнах и местных событиях представляют мало интереса для человека нашего времени, но эти надписи свидетельствуют об уровне культуры, имеющем совершенно особое значение для истории культуры и религии—это единственный материал, вскрывающий одну из основ нынешней религии в Европе. Аравия совершенно правильно считается родиной семитов. Отсюда, очевидно, вышли семитские народы (вавилоняне, ассирийцы, евреи и др.), положившие начало высоким культурам в северных областях. Арабская культура является той первоначальной основой, которая встречается потом во всех высших семитских культурах; точно так же первобытная арабская религия послужила основанием для других семитских религий древности, а через них—для иудаизма, христианства и ислама. В сущности говоря, первобытная арабская доисламская религия оставалась нам прежде неизвестной, так как фанатикомусульмане беспощадно искореняли пережитки ее, все, что перешло от «джахилии», «века варварства и невежества».

Рис. 6. Головы статуи

Однажды, будучи в Иерусалиме, я решил измерить и сфотографировать священную скалу, высшуюся на месте древнего храма и составляющую теперь святая святых в мечети Омара. «Гяурам» запрещен доступ сюда, и я сделал попытку добиться разрешения духовного начальства. Я был допущен к аудиенции у великого муфтия и отправился на нее с альбомом иллюстраций к древнеарабской культуре. Великий муфтий был настроен весьма националистически, и я указывал ему, какие великолепные здания и монументы создали его праотцы в древности. Изучение этих остатков старины—добавил я—является моей специальностью.

Великий муфтий очень заинтересовался моим рассказом. Я получил особое рекомендательное письмо и разрешение посетить Хеврон. Высокий духовный сановник без устали расспрашивал меня о всех тех диковинных вещах, которые я показывал ему в альбоме. В конце концов, пришлось затронуть в разговоре вопрос о датировке древнеарабской культуры, и я не мог скрыть от своего собеседника, что это была эпоха древнего язычества.

— «Джахилийя», «язычество»! — в испуге вскричал великий муфтий и с отвращением оттолкнул от себя альбом. Вот в этой установке кроется причина того, что позднейшую культуру ислама не связывают с древней языческой культурой никакие традиционные узы, и что у арабских авторов, в отличие от авторов-классиков, отсутствует традиция. Арабы желали забыть свое прошлое.

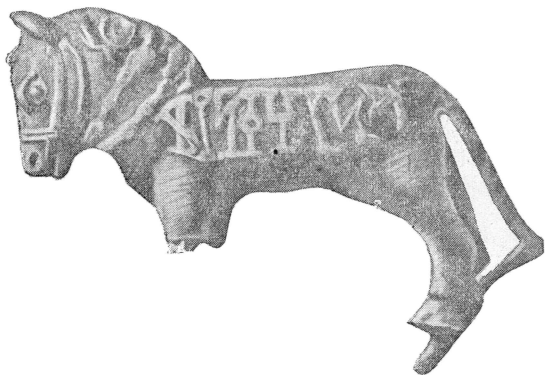

Рис. 7. Обетная статуэтка из сабейского храма (бронзовый конь, посвященной богине солнца)

Пробел, созданный религиозным фанатизмом в древнейшей истории Аравии, прекрасно заполнен теперь новооткрытыми надписями. Смелые пионеры европейской науки спасли их от уничтожения.

При оценке материала этих надписей необходимо учитывать следующие два обстоятельства:

1. Невозможно разграничить надписи религиозного и нерелигиозного характера. Все надписи составлены в религиозном духе. Даже мирские события рассматриваются в надписях с религиозной точки зрения. Так, например, надписи на мирских постройках содержат религиозно-исторический материал, так как крепости и башни, а также дворцы и частные дома воздвигались во имя богов, посвящались им и с помощью определенных формул ставились под их защиту. Религия является здесь не приложением к быту, не культурным элементом наряду со многими другими; нет, это было чувство зависимости, которое господствовало над всем прочим, сопровождало индивидуума от колыбели до гроба и пронизывало всю жизнь и культуру вплоть до мельчайших деталей. Это явствует как из правовых договоров, так и из надписей исторического характера.

2. Народы, создавшие импозантные монументы в Южной Аравии, сами не были бедуинами, но их предки были бедуинами, и, кроме того, эти народы оставались в постоянном контакте с бедуинами посредством

своих торговых путей и караванов. Все южноарабские царства были, как и Израильское царство, построены на племенной основе. Это—единственная социальная структура, известная бедуинам. Вместе с делением на племена, с племенными законами и племенной моралью, сохранилась также первобытная племенная религия, причем отчасти в той форме, в какой она является также в других местностях Аравии в дохристианскую эпоху. Религия здесь была, как и всюду, самым консервативным элементом идеологии. В других областях (письмена, техника, искусство и др.) воспринимались влияния окружающего мира, но религия осталась такой же подлинно-арабской, как и язык, на котором составлены надписи.

Рис. 8. Барельеф из позднейшей Сабейской эпохи

Итак, религия—господствующий элемент в древнеарабской идеологии. Эта религия является фундаментом, недостававшим до сих пор историческим исходным пунктом для позднейших семитских религий.

Ученые уже давно обратили внимание на древнюю Аравию в надежде найти здесь недостававший исторический базис для Ветхого завета. Ряд культовых деталей в древнеарабских надписях обнаруживает поразительное сходство с еврейской религией и со столь характерным для евреев культом без культовых изображений; у других семитов мы встречаем такой культ только в древнеарабской религии.

Идея оказалась правильной, но только в последние годы, по мере обнаружения и истолкования надписей, мы начинаем понимать, что сходство имеется не только во внешних моментах, что центральные идеи как иудаизма, так и христианства можно свести к древнеарабской религии, а через нее—к тому примитивному мирозерцанию, которое встречается также в других первобытных религиях. Мы находим у древних арабов ту примитивную картину мира, которая встречается не только у большей части первобытных народов, но также—в качестве доисторического религиозного пережитка—у некоторых культурных народов.

Небо и земля—арена жизни и мира. О происхождении их не задумываются. Размышления на эту тему мы находим лишь позднее, у культурных народов, в их мифах о сотворении мира. Вопрос ставится лишь о происхождении живых существ.

По древнейшим представлениям арабских бедуинов, племя, народ и даже весь род человеческий являются одной большой семьей, происходящей от общего родоначальника. Это относится также к существам, обитающим на небе. По анимистическим представлениям первобытных народов, все, что движется, является живым существом. Путь светил на небе и излучаемые ими влияния показывают, что это живые существа. В древнеарабской религии, как и в прочих первобытных религиях, встреча луны и солнца во время новолуния считается половым соединением. Луна и солнце—небесные Адам и Ева, от которых происходят небесные существа. Звезды—небесные дети.

Венера, которая под тропиками кажется малой луной, занимает по своей величине и яркости особое место среди звезд. Ее включают с луной и солнцем в святую троицу богов, состоящую из отца, матери и сына. Эту троицу мы находим за тысячелетия до нашей эры в развитых семитских религиях, а также еще в христианскую эру. В этой божественной троице сын особенно близок к отцу. Другие звезды—тоже сыновья бога, но Венера занимает среди них особое место, как первенец (бакур) верховного бога.

Между небом и землей нет непроходимой пропасти, они встречаются на горизонте. Поэтому нет также зияющей бездны между небожителями и земными существами.

Сыны человеческие—в то же время сыны божьи, причем, возможно, связующим звеном служат звездные дети. Люди происходят от божественных отца и матери, от небесных Адама и Евы, которым древние арабы поклоняются в лице месяца и солнца, как источникам всякой жизни.

Поэтому у древних вавилонян, вероятно, уже за несколько тысячелетий до нашей эры, лунное божество является милостивым отцом, породившим все живое, «как богов, так и людей», тогда как солнце и здесь было первоначально материнским божеством, судя по имени «шамашуммия» («солнце—моя мать»). Ключом к разгадке тайны жизни является рождение: первобытный человек не знает другого пути для появления жизни. Когда один миссионер пытался убедить арабскую женщину, что все люди происходят от Адама и Евы, она ответила: «Наш отец—месяц, а мать наша—солнце»¹.

В продолжение тысячелетий эта мифология превратила безжизненные, безличные небесные светила, механически совершающие свой путь по небосклону и не вмешивающиеся в людские дела,—в личные существа, в этические божества, милостиво заступающиеся за своих земных детей.

В конце концов, натуралистический фундамент совершенно отпал. Бог-отец уже не живет на луне, а восседает над небесными светилами, как сверхъестественное невидимое божество. Это уже не натуралистическое божество. Наконец, культурные семитские религии, а стало-быть, также и библейские религии, порывают кровную связь, которая перво-

¹ В семитских языках слова *отец*, *сын* и *дочь* употребляются не только применительно к ближайшему поколению, но также применительно к дальнейшим поколениям. Так, например, слово *отец* означает также «родоначальник», слово *сыновья* обозначает также все потомство.

начально связывала человека с богом-отцом. Бог уже не является отцом людей в физическом смысле, но оставалась религиозная сторона этого отцовства, имеющая крайне важное значение уже в древнеарабской религии в ее высших формах.

Небесные светила служили большим подспорьем арабам в их странствиях по бескрайней пустыне: они указывали путь кочевникам. Но если личные существа, жившие на этих светилах, приобрели еще более важное значение в религии арабов, став для последних ангелами-хранителями, оберегавшими их жизнь от колыбели до могилы, то в основе этого процесса лежало представление о родстве между звездами и человеком.

Когда бедный бедуин обращал свой взор к небу,—а так поступают верующие всюду на земле,—он видел только небесные светила и верил, что они милостиво созерцают его жизнь и помогают ему в счастье и несчастье. Вера в родство с этими существами была первоначально примитивным умозаключением, примитивной попыткой объяснить загадку происхождения жизни; но здесь эта религиозная вера была мощным подкреплением надеждам человека на помощь небожителей.

У бедуинов помощь может прийти только от семьи или племени, все прочее, естественно, враждебно им.

Раз небесные существа являются моими прародителями, они принадлежат к моей семье, поэтому я могу быть уверенным в их помощи. Мифология родства превратила, таким образом, безличные небесные светила в личных друзей человека, связанных с ним самыми священными узами, какие знает первобытная культура.

У древних семитов отцу принадлежит власть над женой, детьми и внуками в такой мере, какой не знают народы Европы. Всесильный глава семьи является, с одной стороны, строгим судьей над жизнью и смертью своих подвластных, с другой стороны—рачительным отцом, заботящимся даже о всех мелочах для своего подрастающего потомства.

Те же отношения мы находим также в семье богов у древних арабов. Здесь тоже бог-отец, первоначально в образе луны, является всемогущим верховным божеством как для семьи богов в тесном смысле, так и для толпы детей человеческого. С просьбами обращаются к нему. Первоначально женское божество и бог-сын играют в религии подчиненную роль. Но уже в высших формах древнеарабской этнической религии высшее божество

Рис. 9. Бычьи головы с рогами в виде новолуния

совершенно утрачивает свой лунный характер, во всяком случае в официальном культе. Оно называется «бог», в отличие от других божеств, которые называются «богами», но не могут претендовать на имя «бога».

«Бог» прежде всего—отец народа и в качестве официального божества почитается под особым именем и с монотеистическим оттенком. Мы не имеем здесь богатой религиозной литературы, какой являются Библия и Вавилонско-ассирийская мифология, а имеем лишь скудные указания в надписях. Тем не менее, есть основания предполагать, что поклонение луне являлось здесь низшей ступенью религии, своего рода идолопоклонством, и официально было распространено лишь в широких массах.

Высшее официальное божество, став национальным богом, освобождается от того натуралистического фундамента, на котором оно возникло. Не подлежит сомнению, что даже этот национальный бог был первоначально лунным божеством. Мы находим этого бога в старейших частях Ветхого завета, где он сопровождает свой народ от горы Синая, очевидно, имевшей издревле культовое значение в Северной Аравии, до Ханаана. Утратив связь с луной, божество называется отныне просто «богом»; в еврейских личных теофорных именах оно именуется «богом» и «отцом». Израиль почитает его под особым названием, как бога и отца народа.

Лишь после выступлений пророков этот национальный бог стал универсальным богом, богом и отцом всех людей, причем евреи все же остаются его избранным народом. Многочисленные свидетельства указывают, что бог, которому Израиль поклонялся, первоначально носил тот же характер, что племенные божества у арабов, происходящие все от общего лунного бога—родоначальника всей жизни.

Мы находим в Ветхом завете также населяющих небо детей бога под различными названиями, соответствующими названиям ангелов в Новом завете. Они называются «сынами божьими» («бене элоим») и иногда явно отождествляются со звездами.

Здесь, как и в народной религии арабов, еще сказывается натуралистическая основа, отпавшая уже по отношению к богу-отцу. Однако в одном решающем месте Библия разрывает узы крови, связывающие первоначально бога и людей. Человек уже не «рожден» богом, а «сотворен» им. Происхождение человека объясняется, как в культурных религиях Вавилона и Египта: бог берет кусок мокрой глины или земли, лепит из него как бы куклу и затем вдует в нее жизнь (Быт., 2,7).

Хотя этот рассказ, казалось бы, исключает всякое кровное родство человека с богом, однако и «сотворение» человека тоже сохраняет первоначальное представление о божественной природе человека, о небе, как первоначальной родине человека, и о том, как последующие поколения все более деградируют. Каждое поколение все более удаляется от бога, и с течением времени, когда прошло много поколений, родство с богом становится все отдаленнее.

*

Согласно библейской мифологии, человек не «рожден» богом, а «сотворен» им. Но он сотворен «по образу и подобию божьему», наделен божественными качествами, телесными и духовными.

Он обитал первоначально в «раю». Эта священная небесная родина человека находится далеко «на востоке», очевидно на горизонте, где сходятся небо и земля. Отсюда произошли все небесные и земные существа. Этот «рай»—своего рода преддверие к небу, охраняемое ангелами. Лишь

после грехопадения и изгнания из рая в жизнь человека входят грех и смерть, и он все более отдаляется от бога. Но древнейшие поколения все еще живут чрезвычайно долго, как своего рода полубоги (Мафусаил).

Кроме того, люди являются также детьми бога, хотя уже в переносном значении. На сей раз бог уже не реальный родоначальник их, люди—его приемные дети, о которых он печется, как действительный отец.

Обратимся теперь к вопросу о древнеарабской и древнесемитской божественной троице, играющей столь важную роль как в вавилонском, так и в египетском богословии. В национальных религиях два других божества были оттеснены на второй план главным богом, как национальным богом; тем не менее, в Ветхом завете имеются следы божественной троицы, как это давно уже установило христианское богословие. В языческом христианстве она фигурирует в виде отца, сына и святого духа.

Как известно, учение о триединстве является позднейшим церковным догматом; в библии нет упоминания о триединстве. Однако по христианскому вероучению, божественная троица, три самостоятельных божественных лица, вечно существовала на небесах.

Здесь еще сохраняется представление о рождении сына: бог-сын «рожден», а не «сотворен» отцом. По отношению к другим небесным и земным существам, как ангелам, так и людям, творец (creator) является отцом лишь в переносном значении. Только бог-сын занимает здесь такое же исключительное положение, как в древнеарабских надписях «первородженный» (бакур).

Святой дух является, по христианскому вероучению, самостоятельной ипостасью божества наряду с богом-отцом и богом-сыном. Нужно ли, собственно, изучать семитскую мифологию, чтобы прийти к убеждению, что эта ипостась первоначально была матерью бога-сына? Если в божественной троице две ипостаси—отец и сын, причем сын не «сотворен», а «рожден» богом-отцом, то ясно, что третьей ипостасью должна была быть первоначально мать. Иначе, откуда мог взяться этот сын?

Так оно и есть. В семитических языках «святой дух» христиан—женский образ, о нем говорится только в женском роде.

В последние столетия до нашей эры это божество, подобно другим семитским божествам, под влиянием греческой философии было превращено в отвлеченное понятие. Подобно тому, как бог-отец превратился в «духа» (Иоанн, 4,24), а бог-сын—в «слово» (Иоанн, 1), божество-мать

Рис. 10. Древнеарабское надгробие

тоже превращается под различными наименованиями в духа, причем «дух святой» тем легче вытеснил мать, что допущение супружеских отношений между богом-отцом и богиней-матерью казалось неприемлемым.

Однако еще в «Евангелии от евреев» святой дух есть мать Иисуса: в Апокалипсисе Иоанна, гл. 12, она, царица небесная, рождает на небесах бога-сына. Можно шаг за шагом проследить исторически и показать, как мать бога-сына превращается в «святого духа». Даже тот порядок, в котором называют одного за другим членов божественной троицы, сохранился в течение тысячелетий. Мы естественно применили бы следующий порядок: отец—мать—сын. Но в древнесемитских надписях и обращениях к богам женщина фигурирует на последнем месте, сообразно семитскому обычаю. Поэтому в этих источниках мы всегда находим такой порядок: отец—сын—мать. Точно так же в христианском вероучении говорится: отец—сын—святой дух.

На практике, однако, католическая церковь заменила почитание «святого духа», слишком абстрактного для верующих, почитанием девы Марии, как матери бога-сына. Как я показал в своей небольшой популярной книге «Исторический Иисус», к деве Марии перешли имя и функции древней семитской богини-матери; даже изображения Марии следуют тому же образцу, что изображения семитской богини. Однако нельзя утверждать, что в настоящее время в христианской церкви почитается древнеарабская семья богов. Для этого расстояние между древнеарабской и христианской религиями слишком велико. Но если искать историческую преемственность в жизни человечества и его религий, нельзя уже ограничиваться Ветхим заветом, как единственным историческим базисом Нового завета. Мы находим переходы и точки соприкосновения, которые связывают как еврейскую, так и христианскую религию с стоящими на более низкой стадии семитическими религиями.

